

А. П. Тонкова

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НЕРЫНОЧНЫЕ БЛАГА В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В настоящее время крупнейшие международные организации переживают период застоя: ВТО уже 10 лет не может завершить Доха-раунд, МВФ и Всемирный банк неспособны бороться с мировым финансовым кризисом, ООН не справляется с ростом бедности. Рассмотрение благ, предоставляемых этими организациями, в качестве *нерыночных* направлено на поиск путей выхода из текущего кризиса. Данная тема обсуждается в экономической литературе уже на протяжении довольно длительного времени. В исследованиях выделяют такие типы рыночных благ, как общественные и мериторные.

Впервые на существование общественных благ указал П. Самуэльсон, сформулировав их главные характеристики: «несоперничество» (потребление блага одними индивидами не уменьшает потребления другими) и «неисключаемость» (никто не может быть исключен из процесса потребления блага)¹ [1, с. 371]. Пробел между «чистым частным» и «чистым общественным» благами Дж. Бьюкенен заполнил понятием клубного блага, обладающего свойством несоперничества, но свойство неисключаемости которого проявляется лишь применительно к какой-либо ограниченной группе². Общественные блага, обладающие свойством «неисключаемости», довольно сложно встретить в чистом виде. Как отмечают Г. Кремер и Ж.-Ж. Лаффон, доступ к таким благам зачастую является дорогостоящим из-за неразрывной связи с потреблением частных благ или услуг (например, затраты на права доступа к информационным ресурсам) [2, р. 1986]. Довод Дж. Стиглица об отсутствии влияния процесса предоставления блага на природу самого блага [3] встречает контраргумент в статье С. Ф. Сутырина: классическая трактовка общественного блага предполагает не формальную, а реальную возможность его получения без предпринимаемых для этого усилий³ [4, с. 23].

¹ Самуэльсон приводил пример маяка как чистого общественного блага. Использование маяка не может быть отслежено, поэтому невозможно определить, кто должен нести издержки по его содержанию, и для частных лиц нет стимула содержать маяк. С этим связана проблема фрирайдерства (*free-rider problem*): нежелание платить за производство блага, поскольку, когда благо будет произведено другими, потреблять его смогут все без ограничений. В отечественных исследованиях данное понятие нередко именуют «проблема безбилетника».

² Отметим, что теория клубных благ действительна только для тех благ, из потребления которых можно полностью исключить фрирайдеров, иначе индивиды не будут стремиться стать членами клуба [5, р. 13–14]. Т. Сэндлер и Дж. Ширхарт добавляют еще два требования: добровольность членства в клубе и право выбора при присоединении к любому из клубов, производящих сходные блага [6, р. 336–337].

³ В противном случае маяк загорался бы ненадолго и нерегулярно, а некий посредник за плату снабжал бы экипажи графиком работы маяка, тогда как сам свет платой бы не облагался [4, с. 23].

Алла Павловна ТОНКОВА — аспирантка экономического факультета СПбГУ. В 2010 г. окончила экономический факультет СПбГУ. Область научных интересов — теория рыночных благ, международные экономические организации, региональные интеграционные группировки.

© А. П. Тонкова, 2012

Анализируя теорию П. Самуэльсона, Р. А. Масгрейв пришел к выводу, что существует группа благ, нежелание платить за которые объясняется не склонностью к фрирайдерству, а тем, что не каждый способен осуществить рациональный выбор из-за неравного распределения среди людей знаний, воли и ресурсов. Блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от «желаемого обществом» и стимулируется государством, Масгрейв назвал мериторными [7, р. 334]⁴. Среди исследователей существует несколько мнений по поводу различий общественных и мериторных благ⁵. Ключевое же их отличие состоит в следующем: при рассмотрении общественных благ мы исходим из неизменности индивидуальных предпочтений и предпосылки о рациональности потребителей, тогда как при рассмотрении мериторных благ мы понимаем, что предпочтения индивидов обусловлены иррациональностью поведения и поэтому подлежат изменению.

В связи с развитием процесса глобализации и возрастанием значения меж- и надгосударственного регулирования логично поставить вопрос о приобретении нерыночными благами «международного измерения». Основное внимание в экономической литературе уделяется глобальным общественным благам (global public goods — GPG) — «благам, польза от которых распространяется на все страны и всех людей, в них живущих» [11, р. 95]. К стандартным свойствам несоперничества и неисключаемости добавляется свойство глобальности. Именно к категории GPG можно отнести блага, производимые международными организациями.

В настоящее время все чаще в толкование GPG вносится понятие справедливости. К примеру, М. Х. Ханс утверждает, что пользующиеся свободным доступом к благу должны платить за большую часть его производства, чем те, чье потребление ограничено («дефицит стимула»). Недопроизводство GPG объясняется «дефицитом юрисдикции» (отсутствием регулятора, чьи решения были бы обязательными для исполнения) и «дефицитом участия» (проблема, больше известная как фрирайдерство) [12].

Данная позиция совпадает с идеей И. Коула и Р. У. Мендозы, включивших нормативный подход в понятие GPG. Были выделены три одинаково значимые сферы проявления общественных благ, в соответствии с которыми нужно рассматривать вопрос о том, является ли то или иное благо GPG: принятие решений, потребление, распределение выгод от потребления [11, р. 92]. Обладание свойствами общественных благ в сфере потребления еще не означает, что благо имеет данные свойства в сфере распределения выгод от его потребления, которые оцениваются субъективно [11, р. 91]. В качестве примера можно привести такое GPG, как международная финансовая стабильность. Несмотря на то что все страны мира в ней заинтересованы, более бедные государства скорее отдадут предпочтение другим благам.

О той же проблеме в области распределения выгод от потребления свидетельствуют Р. Хигготт и Е. Эрман. Авторы задаются вопросом, можно ли считать истинно

⁴ Выделяются четыре случая существования мериторных благ: патологический случай, «слабоволие Одиссея», материальная помощь и общие потребности [8, с. 295].

⁵ К примеру, устанавливая различия между общественными и мериторными благами, В. Вер Экке обращает внимание на то, что, в отличие от общественных благ, те, на ком предоставление мериторного блага сказалось негативным образом, не должны получить компенсации: например, действия, направленные на снижение уровня курения в стране, не должны включать в себя компенсации курильщикам [9, р. 100]. Кроме того, по мнению Р. Фиорито и Т. Коллинзаса, за потребление мериторных благ индивидам приходится соперничать [10, р. 1368], ведь неисключаемость и несоперничество им не свойственны.

глобальными блага, производимые международными экономическими организациями на современном этапе, и заключают, что международные организации концентрируют свои усилия на самом процессе производства благ, а не на результатах их производства и распределения [13, p. 11]. Используя термины М. Х. Ханса, мы можем сформулировать эту идею иначе: устраняется «дефицит участия», но не «дефицит стимула». Асимметрия власти в рамках международных организаций представляется исследователям основным препятствием для справедливого распределения благ и является основой для утверждения, что главная проблема международных организаций не количественная (присутствие представителей большинства стран), а качественная. Как и другие исследователи, Хиггот и Эрман приходят к выводу, что для успешного функционирования международных организаций необходимо расширение нормативного подхода самой теории GPG, включения в нее понятия справедливости [13, p. 12].

К сожалению, в отличие от глобальных общественных, тема глобальных мериторных благ (global merit goods — GMG) практически не изучена. Однако GMG, как и GPG, — неотъемлемая часть теории при переходе на международный уровень, где, в нашем понимании, возникает трансформация традиционного понимания фрирайдерства. Полагаем, что здесь фрирайдерство — не редкое девиантное поведение, а один из видов взаимодействия субъекта финансирующего и субъекта потребляющего при производстве и потреблении общественных благ, когда финансирование и потребление преимущественно осуществляются разными государствами⁶.

При этом возникает вопрос о цели финансирования, которая не может быть чисто филантропической. Если мы рассматриваем GPG, то и финансирующий, и реципиент осознают потребность в этом благе (например, при борьбе с бедностью). В случае же GMG финансирующий считает, что создаваемое благо необходимо, а спрос на него со стороны потребителя отсутствует, т. е. требуется трансформация его предпочтений. При этом в основном в роли финансирующих выступают развитые страны, а потребителей — развивающиеся.

Представляется, что если в ситуации GPG смещение по линии «финансирование — потребление», скорее всего, уравновешивается потребителями с помощью встречных уступок (необязательно экономических), то для GMG финансирующий является инициатором и самостоятельно несет риски невозврата своих вложений в это благо. Логично предположить, что для возврата инвестиций в GMG закладываются различные элементы, способствующие тому, чтобы при активном участии новых членов возможно было получение косвенных выгод. Например, можно рассматривать ГАТТ/ВТО как систему закрепления специализации развивающихся стран⁷. В другие блага могут быть заложены возможности будущего ограничения доступа к ним (например, доступ

⁶ Например, ООН в основном финансируется развитыми странами, а основную выгоду от борьбы с бедностью и содействия усилению продовольственной безопасности получают страны развивающиеся.

⁷ Расширение мандата ВТО за пределы таможенно-тарифного регулирования в области связанных с торговлей инвестиционных мер (Соглашение по ТРИМС) и внутренней экономической политики (например, Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам) приводит к существенному ограничению маневренности в сфере внутренней политики промышленного развития. Если развитые страны прошли стадию индустриализации на предыдущих исторических этапах, то для развивающихся стран импортозамещающее субсидирование и поощрение инвестиций через таможенные преференции являются запретными методами на данном этапе развития многосторонней торговой системы. Это сокращает потенциал роста развивающихся экономик, несмотря на декларации Доха-раунда.

к навигационной системе GPS, которой пользуется весь мир, всегда может быть ограничен по инициативе США). Таким образом, фрирайдерство в сферах создания GPG и GMG может быть интерпретировано как получение выгод в зачет будущих уступок. При этом остается неясным, насколько в таком случае получаемые выгоды от потребления благ эквивалентны будущим уступкам и обязательствам.

Отметим, что концепция GMG заслуживает более подробного рассмотрения, тем более что она совсем не разработана в экономической литературе. Теме несовпадения субъектов в системе «финансирование–потребление» также стоит уделить особое внимание, поскольку подобное несовпадение наблюдается во многих звеньях мировой экономики, и изучение как самого явления, так и его последствий может способствовать улучшению понимания происходящих процессов, а значит, возможности прогнозировать события. Кроме того, неисследованными остаются взаимосвязь общественных и мериторных благ, а также процессы их взаимной трансформации. Успешное разрешение этих вопросов позволит углубить наши представления о закономерностях развития системы мирохозяйственных связей. Одновременно можно рассчитывать и на повышение эффективности функционирования международных экономических организаций, подвергающихся в настоящее время обоснованной критике.

Литература

1. Самуэльсон П. А. Чистая теория общественных расходов. 1954 // Вехи экономической мысли. Т. 4. М.: Экономическая школа, 2004. С. 205–219.
2. Cremer H., Laffont J.-J. Public Goods with Costly Access // *Journal of Public Economics*. 2002. N 87. P. 1985–2012.
3. Stiglitz J. E. Knowledge as a Global Public Good. 1999. URL: <http://www.worldbank.org/knowledge/chiefecon/articles/undpk2/index.htm> (дата обращения: 28.03.2009).
4. Сутырин С. Ф. Международная торговая система в контексте теории общественных благ // Современная система мирохозяйственных связей: тенденции развития и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. СПб.: Европейский дом, 2008. С. 15–29.
5. Buchanan J. M. An Economic Theory of Clubs // *Economica*. New Series. 1965. Vol. 32. N 125. P. 1–14.
6. Sandler T., Tshirhart J. Club Theory: Thirty Years Later // *Public Choice*. 1997. Vol. 93. N 3/4. P. 335–355.
7. Musgrave R. A. A Multiple Theory of Budget Determination // *Finanzarchiv* N. F. 1957. N 17. P. 333–343.
8. Рубинштейн А. Я. Экономика общественных предпочтений. СПб.: Алетейя, 2008.
9. Ver Eecke W. Ethical Dimensions of the Economy. Making Use of Hegel and the Concepts of Public and Merit Goods // *Public Choice*. 2008. Vol. 138. N 3/4. P. 91–106.
10. Fiorito R., Kollintzas T. Public Goods, Merit Goods and the Relation Between Private and Government Consumption // *European Economic Review*. 2004. N 48. P. 1367–1398.
11. Kaul I., Mendoza R. U. Advancing the Concept of Public Goods // *Providing Global Public Goods: Managing Globalization* / eds I. Kaul, P. Conceicao, K. Le Goulven, R. U. Mendoza. New York: Oxford University Press, 2002.
12. Hans M. H. A Global Public Goods Approach to a Currency Transaction Tax. 2001. URL: <http://www.globalpolicy.org/soecon/gpg/2001/1005gpgapproach.htm> (дата обращения: 02.09.2011).
13. Higgott R., Erman E. Deliberative Global Governance and the Question of Legitimacy: What Can We Learn from the WTO? (GARNET. Working Paper № 53/08. 2008). URL: http://www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/working_papers/5308.pdf (дата обращения: 05.06.2010).

Статья поступила в редакцию 5 марта 2012 г.